

Адель Хаиров

рассказ

Трофейные вазы

Я помню эти старинные вазы с самого детства. Они всегда стояли на буфете для красоты. Из них торчали высушенные красные фонарики физалисов. Внутрь забрасывали всякие бумажки с адресами и телефонами нужных людей в надежде их быстро отыскать, когда понадобится. Но вот в какой-нибудь светлый день лихорадочно принимались вытряхивать вазы и – не находили кого надо, зато вылезали наружу те, кого обыскались в прошлый раз. Фарфоровая бездна! Это был трофей, который привёз с войны мой дедушка – механик танка Т-134.

– А больше ничего? – поинтересовался я у бабушки.

– Пычак каядыр тагын бар иде*... – сказала она равнодушно.

Этим фигурным ножиком, помню, мама срезала с яблок кожуру. У неё получалась красивая спираль до самого пола. Потом он затерялся куда-то. И только во время ремонта на кухне я его отыскал за холодильником. Никому ничего не сказал. Отнёс в антикварный. Стыдно признаться, на выпивку не хватало. Тогда я этим делом сильно увлеклся. Антиквар, еврей, похожий на

филина с залысинами, повертев его в руках, дал свою оценку:

– Слоновая кость. Самый конец 19-го века. Стилизация под модный тогда Китай. Сохранность неплохая. Сколько вы хотите за этот книжный нож?

– Книжный?..

– Ну, да, книжный. Нож для разрезания страниц – *Paper knife*. Тогда в типографии у новых книг некоторые разновидности резаки пропускали... Так сколько вы хотите?

Цена его рассмешила. Он дал в три раза больше. И даже показал, сложив листок, как разрезали «сросшиеся» страницы новых изданий. Разговорились. Я рассказал историю появления ножа в нашей семье и заодно о тех трофейных вазах, которые хранятся дома. О продаже речи не шло. Всё-таки семейная реликвия, да к тому же стоит на самом видном месте. Антиквар захотел на них взглянуть. Взяли коньячок и пошли. И тогда я узнал, что называются наши вазы – «кратер». Их возвышенно-торжественная форма была рождена в руках неизвестного гончара Древней Греции, и использовали эти сосуды для религиозных обрядов. В довоенной Германии появилась мода держать в доме что-нибудь античное. Оригиналлов, вывезенных из Эллады, были единицы.

* Пычак каядыр тагын бар иде* (там.) – Где-то ещё нож был.

В основном – добротные копии местных фарфоровых фабрик. Немецкие кратеры, по желанию заказчика, украшали фамильным гербом, а иногда и портретами аристократического семейства.

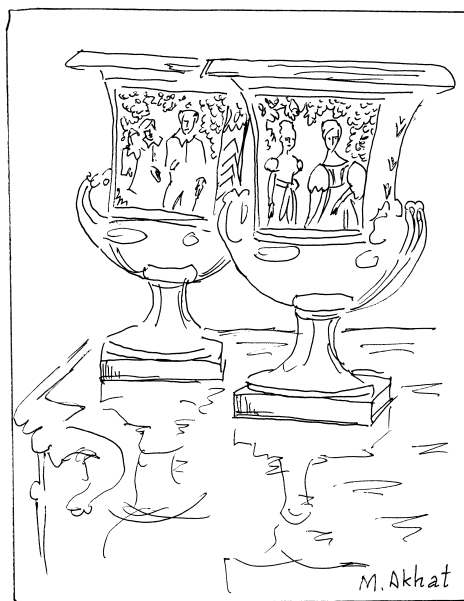
«Филин» осторожно вертел в руках вазу и с помощью складной лупы считывал с неё информацию:

– Стояли они, по всей видимости, на камине в каком-нибудь замке... Вот здесь у мостика, ведущего к башне, есть указатель «Richterburg». Видите? То есть замок принадлежал Рихтерам. Можно навести справки. Это недорого... Теперь взглянем на клейма... – Антиквар перевернул кратер и потёр пальцем букочки. – Так я и предполагал, это бывшие Королевские мануфактуры в Берлине, 1932 год. Удивительно, что война не оставила на вазах даже царапины, лишь на горловине слегка поистерлась позолота!

Я тогда впервые пригляделся к изображённым на вазах мальчикам и девочкам. Теперь на меня смотрели не абстрактные персонажи, плод фантазии художника, а реальные портреты двух сестёр-близняшек и трёх братьев одной большой немецкой семьи, выполненные с фотографической точностью. Русоволосые дети нордической расы, с почти одинаковыми бровями, носами, губами...

«Филин» пояснил:

– Портреты нарисованы методом подглазурной росписи. Вглядитесь в эти лица – у старшего мальчика на голове «байроновские волны» и книжка в руке. Может, Гейне? Через несколько лет он сожжёт её и возьмёт в руки автомат. Девочки сосредоточены, сидят прямо, проглотив улыбки. Внешностью пушкинские Татьяны. Кстати, удивительный факт: в уже фашистской Германии экранизируют «Станционного смотрителя» – «Der Postmeister». Я смотрел этот фильм. Приезжает странного вида гусар в шинельке с погонами, входит в избу, забирает единственную дочь – и ауфидерзейн! Зрители рыдали, жалея русского старика. Провидческий получился фильм...

На какое-то время о вазах было забыто. Они привычно стояли на своих местах и собирали пыль. Но вот у нас в доме на улице Карла Маркса появились немцы.

Мой отец, доцент кафедры зарубежной литературы Казанского университета Роберт Мухлисович, в начале 90-х, когда Казань стала городом-побратимом немецкого Брауншвейга, встречал делегацию оттуда. Целую неделю носил их на руках. А в последний день перед отъездом пригласил всех домой на прощальный ужин. Сейчас бы, конечно, позвали в кафе, а тогда... Другие были времена. На кухне готовили не только яичницу, а летом закручивали в трёхлитровые банки всё, что вырастет на трёх сотках. Да и немцам, кажется, было интересно посмотреть на жилище советского препода и интеллигента. Все двенадцать человек расселись за двумя сдвинутыми столами и начали осторожно тыкать вилками в незнакомые татарские блюда. Потом с кафедры подъехали ещё трое. Пришлось журнальный столик пододвигать. Поначалу сидели скованно, а когда со стола на пол были убраны две опустевшие

бутылки, немцы и по-русски заговорили лучше, и даже кое-какие заученные татарские слова припомнили. Появился аккордеон – и понеслась...

И вот, когда начались полупьяные хождения по комнатам и покурить на балкон, один из немецких товарищей – сухенький старик по имени Мартин, вдруг потянул дрожащие руки к нашим старинным вазам и заявил: «Это мой!» Боже, как он их держал – как двух грудничков – лепетал что-то по-своему, чуть не целовал. Сначала подумали, ну, нализался старичок, пора ставить кофейник! Но потом кое-что прояснилось.

Мартин был родом из известной аристократической семьи Рихтер, недалеко от Брауншвейга сохранились руины их родового гнезда. Он последний отпрыск. В 1945 году было ему девять лет. Он помнит тот мартовский день, когда появились русские. Из бойницы наблюдал, как несколько танков остановились в рощице, с брони попрыгали солдаты в телогрейках и ушанках. Они бесшумно проникли во двор. Начали отворять двери, ту, которая была заперта изнутри – подорвали гранатой. А когда из окна башни по ним выстрелил из фаустпатрона дядя Клаус и убил одного, то ретировались. Вскоре во двор, изрыгая дым, въехал Т-134, задрал пушку и выпустил по окнам весь боекомплект. Затем снова появились солдаты. Они вбежали в дом и открыли беспорядочную стрельбу. Начался пожар. Так умерла мама Мартина, бабушка, дядя, братья Томас, Альфред с сёстрами Мэгдой и Евой... Что поделать – война!

– Вот они... – немец погладил ладонью изображения. – Это как фотографии. Их заказывал богатый семья.

Специальный фабрикант делал заказ. Мой мутер спрятать меня в камин. Я был чёрный как тойфель! То есть щорт...

И старичок заплакал. Ему дали водки. Выпил как воду. И стал разговаривать с вазами. За окнами нетерпеливо сигнализировал микроавтобус.

P.S. В октябре 1944 года Сталин разрешил военнослужащим отправлять посылки с трофеями домой. Генералы могли отсылать ящики весом до 16 кг, офицеры – 10 кг, сержанты и рядовые – 5 кг. Но танкист из Казани свои немецкие вазы привёз в ручной клади, иначе они бы разбились. Поезд, увитый цветами и лентами, прибыл на Казанский вокзал, где уже колыхалось волнуемое море родных и друзей. Из тамбуров нетерпеливо высывались победители, сверкая медалями и маша фуражками. Потом все шумно разъехались по домам – праздновать Победу и своё возвращение. Открывали чемоданы и развязывали баулы с гостинцами. Домашние дивились вещам «оттуда» – из ненавистой Германии. Среди трофеев было много швейных машинок, граммофонов, кухонной посуды, ковров, рулонов ткани, костюмов, платьев, женских туфель и т. д. Предметы искусства тоже попадались.

Представим, как наш герой распаковал вазы и торжественно поставил их на обеденный стол. «Красота!» – воскликнула счастливая супруга, осторожно протирая фарфор тряпочкой. Затем трофеем убрала повыше на буфет, чтобы детишки не разбились. Ими гордились и показывали гостям. В какой-то мере, это ведь были не просто вазы, а кубки «За Победу над фашистами!»